

У Чу Си тусклые глаза загорелись, когда она почувствовала запах аромата и почувствовала доброту, которую распространил Линь Чу и другие. Теплое помещение еще больше смягчило ее, и она виляла хвостом в качестве эксперимента.

"Она виляет хвостом!" Ши Ту кричала в возбуждении.

Линь Чу ласкала голову Чу Си. "Не волнуйся. Не бойся. Ты голоден? Это тебе".

Кажется, Чу Си поняла её слова. Вместо того, чтобы начать питаться своей едой, она подошла к ним и в знак близости натерла голову о ноги, прежде чем повернулась назад и экспериментально облизала тарелку с молоком. Получив вкус ароматного молока, она начала жадно пить.

Линь Чу встал, чтобы приготовить ужин. Ужин в канун Нового года был простым. Старый директор заранее тушил говядину, рубец и свиные отбросы, коптил рыбу и готовил желе из свиной кожи. По дороге сюда она также купила жареного цыпленка. Их можно было подавать после нарезки и обжарки. Оставалось только приготовить креветки, рыбу на пару, поджарить овощи, бросить ветчину, огурец и рисовую лапшу, чтобы сделать салат - простой, но любимый всею у детей. Наконец, она сделала фруктовый салат.

Она и старый директор были единственными двумя взрослыми, и дети, как правило, не едят много. Они уже не смогли бы доесть эти несколько блюд.

Как только она закончила резать тушеное мясо, ей позвонил Ван Цзинлинь.

Линь Чу подняла бровь на звонке. Родители Чэн Цзиминя должны были ненавидеть её до глубины души после фиаско на свадьбе. Правда, они вообще не связывались с ней до этого дня. Вероятно, это было не для того, чтобы пожелать ей счастливого нового года.

Линь Чу помыла руки и ответила на звонок. Она холодно сказала "тётя".

"Линь Чу, ты сегодня не вернёшься на Новый год?" спросила Ван Цзинлинь по телефону.

Линь Чу подняла брови и спросила, хотя она уже знала ответ: "Куда возвращаешься?".

"Линь Чу, почему ты стала такой? Ты знаешь, о чём я говорил. Когда-то ты был добрым сердцем, а теперь считаешь и замышляешь деньги. Ты меня разочаровываешь." Ван Цзинлинь звучал грустно.

Терпение щелкнуло по лицу Линь Чу. Она хотела немедленно повесить трубку, но потом услышала, как Ван Цзинлинь сказал: "Семья Линь вырастила тебя, только для того, чтобы ты испортил свадьбу Цзиминя и Ювэня, а теперь ты даже не вернешься на Новый Год! Почему ты... почему ты стал таким холодным сердцем?"

"Это твое дело?" Чихнул Линь Чу. Она больше не пыталась вести себя хорошо с Ван Цзинлинь.

Ей было наплевать на то, чтобы разозлить Ван Цзинлиня. Если бы она продолжала вежливо относиться к Ван Цзинлиню, то женщина продолжала бы приставать к ней, подвергая ее этим надоедливым эгоцентричным тирадам.

Она не хотела знать, известно ли паре, что Чэн Цзимин предал её. Судя по ее нынешнему отношению, было очевидно, что они знали. Кроме того, Ян Бэйчэн не хотела бы, чтобы она поддерживала связь с семьей своего бывшего парня.

Эти люди не стоили того, чтобы причинять Ян Бэйчэн неудобства.

"Ваша семья является родственницей Линзов, но это не распространялось на вмешательство в семейные дела Линзов, не так ли? Возвращаюсь ли я на Новый год, куда хочу его провести, подвел ли я кого-нибудь или нет... это все ваше дело? Как вы сказали, я настолько хладнокровен, что прервал все контакты с Линзами. Как ты думаешь, почему я все еще должен слушать твои выговоры? Какие у тебя есть основания диктовать мои качества?" - бесцеремонно сказал Линь Чу.

"Ты..." Ван Цзинлин дрожал от ярости. Она оглянулась вокруг своего дома. В канун Нового года в доме должно было быть полно народу, но теперь он был пуст.

Ее сын женился, но он, казалось, все делал наоборот, сбежал на Новый год в дом семьи Лин, оставив ее и Чэн Цзиньдуна дома. Она приготовила целый стол с блюдами, но никто не вернулся, чтобы их съесть.

Его сын мог бы и не жениться.

Слезы вот-вот упадут с глаз Ван Цзинлиня. Клэри в плачевном тоне сказала: "Линь Чу, ты тоже мстишь нашей семье? Вы попросили Ян Бэйчэн угрожать семье Лин, чтобы они не раздражали вас в Новый год и не звонили домой. Если бы не тот факт, что ваша репутация пострадает, когда новости будут распространяться, вы также сделали так, что Цзимин не сможет провести Новый год дома. Мистер и миссис Лин единственные дома, потому что вы не вернулись. У Ювен не хватило духу оставить их в покое, и поэтому она поехала домой на Новый год с Цзымином на буксире. Вы думали о нашей семье? Теперь остались только я и твой дядя. I..."

"Как это вообще моё дело?" холодно спросил Линь Чу.

Ван Цзинлинь был ошеломлён. "Что?"

"Я сказал, что Линь Ювен привезла Чэн Цзиминя на Новый год, потому что не хотела, чтобы ее родителям было одиноко, оставив вас двоих дома одних... Как это может быть моим делом? Линь Ювен - твоя невестка. Если вы недовольны, пожалуйста, поговорите с ней. Чэн Цзимин -

ваш сын, и если вы несчастны, потому что он оставил родителей одних в попытке подлизаться к своим родственникам, поговорите с ним. Сказать, что это я доставил вам неприятности - уморительно. Я отказываюсь нести ответственность за это, потому что не хотел возвращаться в дом Лин. Я не вернулся в прошлом году, и в этом году все будет так же. Линзы хотят, чтобы я вернулся только из-за моих отношений с Бэйчэнгом. Почему я должна доставлять им удовольствие? Бэйчэн сделал это для меня, потому что он не хотел, чтобы я чувствовала себя подавленной, когда я отмечаю Новый год, и я рада, что он это сделал. Ты думаешь, что я хладнокровна и безжалостна. Если это так, то почему я должен сочувствовать тебе только потому, что ты позвонил мне?"

"Не буду. Миссис Ченг, не звоните мне в будущем. Я не буду отвечать на ваш звонок, даже если бы вы ответили, потому что, видимо, я настолько хладнокровен. Это не моё дело, касающееся твоей семьи и семьи Лин. Если вы хотите, чтобы Бэйчэн угрожал вашей семье и будущему Чэна Цзиминя, тогда вы можете позвонить", - бесцеремонно сказал Линь Чу.

"Ты... Ты..." Лицо Ван Цзиньлиня побледнело от угрозы Линь Чу. Ее губы дрожали, зубы болтали, язык выпрямился. Она была в такой ярости, что ей было трудно говорить. "Как ты могла так со мной разговаривать? Я... Я твой старшеклассник!"

"Простите, я спешу на свой новогодний ужин", - сказала Линь Чу. Она повесила трубку без прощания, чтобы Ван Цзинлинь не настойчиво произносила свои неразборчивые слова.

...

После ужина, когда по телевидению транслировались передачи, которые не понравились детям, она привела их в сад на фейерверк, который экспоненциально усилил их настроение. Чу Си, испугавшись звука фейерверков, в страхе побежала на кухню со своим хвостом между ног. Старый директор завернул его в одеяло и утешил обниманием. Чу Си, будучи умным существом, оно было, зарылся в объятия директора нежно, радуя ее.

Когда наступила полночь, Линь Чу пошел готовить пельмени. Её телефон вибрировал в кармане джинсов. Она выловила его, глядя на кастрюлю. Она беспокоилась, что это был еще один звонок от семьи Линь или Ван Цзинлинь, но на самом деле это был звонок от Янь Бэйчэн. Углы ее рта подтянулись при виде его имени.

Он не звонил ей целый день, и она предположила, что он забыл сделать это в суматохе.

"Привет". Линь Чу ответил на звонок. Она хотела бросить немного истерики и дать ему знать, что она была немного раздражена на него за то, что он не связался с ней в течение целого дня. По неизвестным причинам, ее голос был нежным, когда она говорила, настолько нежным и послушным, что это была самая далекая вещь от гнева.

Звук петарды значительно уменьшился, когда она дошла до кухни, но это все же мешало ей в какой-то степени слушать. Она едва различила, как Янь Бэйчэн хихикает по ту сторону телефона.

"Ничего страшного. Я просто хотела первой пожелать вам счастливого Нового года", - магнитный и гравийный голос Ян Бэйчэн упал ей на уши.

Она услышала слабые отголоски взрывов фейерверков и фейерверков с другой стороны, в том, что она чувствовала в оживленной атмосфере.

Услышав его голос и взрывные звуки фейерверков, ее сердце согрелось даже поздней ночью.

"С Новым годом! Я первая пожелала тебе?" спросил Линь Чу.

"Мм. Я ушёл, чтобы позвонить тебе, прежде чем кто-то из них пожелал мне", - ответил Ян Бэйчэн с юмором, шнуруя свой голос. Линь Чу смеялся, представляя, как разыгрывается сцена.

С другой стороны телефона пронзил крик Ян Нингбай. "Старейшина Племянник, быстрее, иди сюда и ешь свои кнедлики!"

"Иди. Я тоже почти закончил. Мы готовимся к еде." Линь Чу сказал.

Ян Бэйчэн повесил трубку.

Линь Чу не спрашивал о том, что он угрожал Линам. Она думала только о том, что он немного глуп, делая все это, не сказав ей. Кто знает, что еще он сделал для нее с таким намерением?

Чу Си сначала был немного застенчив, но у него была кратковременная память, характерная для щенка. Увидев, что люди в доме какое-то время относились к нему с добротой, он пролил свою застенчивость и начал бегать вокруг них.

"Я съел один с начинкой для торта!" Тяньтянь с радостью сказала, что ее щеки забеременели.

"Я съел один с белой сахарной начинкой!" Ши Ту сказал, что глаза сузились от сладости.

"Я съел один с финиками!" Мо Цзиньси выплюнула ядро.

"Айё", - неожиданно позвонил старый директор, - "Я укусил монету."

Это разозлило детей. Они начали пахать в миске с кнедликами, глаза закрепились на блюде посередине. Они хотели узнать, есть ли в миске пельмени монеты, но они также не хотели случайно проткнуть их палочками для еды. Они не хотели пропустить восторг и сюрприз от укуса монеты.

Их взоры были очаровательно встревожены.

Тянь Тянь была самой младшей, и поэтому она не так умела пользоваться палочками для еды. Она подобрала клёцку, но потом она поскользнулась на полу. С восклицанием удивления Тянь Тянь приготовилась поднять его, но потом Чу Си бросилась к нему навстречу и схватила его ртом раньше, чем смогла.

Затем она проглотила пельмень, не разжевывая его, как будто боялась, что кто-нибудь схватит угощение, и быстро убежала с хвостом между ног. На полпути она ошпарила язык горячим пельменем, окунулась в миску с водой и выпила в ней воду со всей силы. После этого он растянул язык и не мог перестать дышать. Он смотрел в сторону пельменей, которые все ели просто так.

Линь Чу доела пельмени и слегка приласкала голову. "Их нельзя есть. Они тебе не подходят".

Дети доедали пельмени с большим трудом. В остальных кнедликах осталось три монеты. Они все были наполнены едой, но все равно не хотели сдаваться.

Их сияющие глаза все еще были прикованы к остальным кнедликам.

Опасаясь, что кожа пельменей склеится, когда они остынут, Линь Чу вытащил несколько тарелок и отделил кнедлики, прежде чем дать им остыть и положить в холодильник.

"Не волнуйся. Все кнедлики для тебя охлаждены. Завтра утром мы поджарим их на гриле и посмотрим, кто получит монеты", - заверил Линь Чу.

Дети больше не могут запихивать еду себе в животы. Имея эту цель в голове, они пылко кивали головой и начинали предвкушать следующее утро.

Линь Чу посмотрел на время. Оно приближалось к часу ночи, поэтому она послала детей почистить и поспать.

Она уложила их всех в постель, и дети мгновенно заснули.

Линь Чу вернулась в гостиную, чтобы прибраться. Старый директор предложил помощь, но Линь Чу категорически отказалась. Ей чуть не пришлось тащить старого директора в постель.

Линь Чу бросила детскую одежду в стиральную машину, привела в порядок обеденный стол и начала мыть посуду. Когда она мыла пол, Чу Си внезапно залакала у двери. Нежный и пронизательный, лай маленького щенка был от природы не опасен, но он лаял настойчиво и со всей силы.

Линь Чу послушал, и казалось, что за дверью что-то есть.

Было полночь, и Линь Чу занервничал. Все здесь были относительно слабы; единственными взрослыми, присутствовавшими в приюте, были она и старый директор, в то время как остальные - все дети. Если бы воры и грабители знали об этой ситуации и решили совершить преступление в Новый год, они были бы в опасности.

Линь Чу сжимала швабру в руках, пока искала факел. Она подошла к двери и закрепила цепь безопасности, прежде чем открыть ее и продлить факел снаружи.

Во дворе перед домом не было ничего необычного. Когда фонарь зажег ворота, Линь Чу увидела высокий силуэт, стоявший снаружи. Свет был недостаточно ярким, поэтому она не могла видеть его лицо отчётливо, лишь умудряясь опознать его как мужское.

Линь Чу была так напугана, что чуть не закричала. Она поспешно закрыла дверь, извлекла телефон из кармана джинсов с дрожащими руками, нашла первую запись в ее контактах - Ян Бэйчэн - и позвонила ему.

Когда Ян Бэйчэн взяла трубку, Линь Чу заикалась, голос все еще дрожал от страха. "Ян... Ян Бэйчэн, мужчина стоит снаружи... возле приюта". Я не знаю, грабитель ли он или кто, я..."

"Это я". Ян Бэйчэн сказал в отставке, выражение стоическое.

Он настолько страшный? Взломщик? Какое плохое зрение!

"А?" Линь Чу замёрз. Она не пришла в себя ни на минуту, вероятно, из-за шока, который она пережила.

"Это я у ворот", вздохнула Ян Бэйчэн. "Я закончила есть пельмени дома и хотела навестить тебя здесь. Ворота были заперты, и я хотела позвонить тебе, но потом твой факел засиял на мне. Я подумал, что ты меня видела."

Линь Чу, "..."

Уверенная, Линь Чу развязала дверную цепь и схватила ключи, чтобы открыть ворота.

Когда дверь была открыта, Чу Си тоже отворачивалась. Опасаясь, что щенок заблудится в ночи, Линь Чу нарекала смиренно: "Чу Си, не беги!".

Чу Си скулила в ответ. Он уставился на ворота, а затем на Линь Чу. Позже он начал бегать вокруг лодыжек Линь Чу, чуть не споткнув её.

Увидев очаровательные поступки щенка, Линь Чу рассеяла первоначальные страхи. Она указала в сторону дома и сурово сказала: "Возвращайтесь! Быстро!"

Чу Си снова скулила, лапала Линь Чу, прежде чем вернуться в дом, склонила голову и виляла хвостом.

Линь Чу закрыла дверь, прежде чем выбежала к воротам, чтобы отпереть её. Это действительно была Ян Бэйчэн у ворот, нежно улыбаясь ей. Сзади, вдаль, был устроен фейерверк. Они выстрелили в небо и вспыхнули в черном ночном небе. Они продолжали расцветать, один за другим.

Многоцветные потоки света лились на Ян Бэйчэн, подчеркивая его резные черты лица.

Линь Чу подняла кулак и ударила его в грудь. "Ты напугал меня! Я думал, ты преступник! Просто позвони мне, если приедешь. Что ты делал, шатался у двери?"

Ян Бэйчэн знала, что она была напугана, когда звучала почти в слезах. В приюте были только она и старый директор вместе с парой детей. Неудивительно, что она испугалась.

"Простите, я была небрежна". Ян Бэйчэн держал ее за кулак и втянул ее в свои объятия. Он опустил и поцеловал сладко пахнущую верхушку ее головы. "Я не буду тебя так пугать в будущем. Извини".

"Это... Это я слишком остро отреагировал." Линь Чу пожалела после того, как ударила его.

Он был занят весь день, ехал сюда только после того, как отсчёт пошёл вместе с семьёй. Было два часа ночи, он все еще излучал прохладу от времени, проведенного на улице, и все же Клэри приветствовала его кулаком.

Этот удар тоже не был показательным, она не сдерживала своих сил.

Она не могла не разминать то место, которое ударила. "Было больно?"

"Нет", - ответила Ян Бэйчэн, не задумываясь. Его твердая ладонь прикрыла затылок и слегка массировала его.

"Почему ты плохо отдохнул, придя ко мне в гости, когда уже так поздно? Ты ведь должен навестить своих родственников завтра, не так ли?" Линь Чу отдохнула на его костюме, остыла на ощупь и посмотрела вверх.

Клэри не отпустили из его объятия, поэтому она тут же обхватила его за талию.

Клэри в спешке открыла для него дверь, забыв надеть пальто, и на ней был только свитер. Ветер пронесся сквозь ее свитер, и она почувствовала холод, поэтому она засунула руки в его пальто.

Видя это, Ян Бэйчэн открыл пальто и завернул ее в него так, что они оба разделили пальто.

"Мы закончили есть пельмени, и все готовились к этому дню, но я вернулась в свою комнату, и кровать была холодной. Я не могла заснуть, потому что скучала по тебе, так что я пришла". Кульминацией этого ощущения стало то, что Янь Хуайань подошел к нему с женой прямо к лицу и рассказал о том, как он будет чувствовать себя тепло в этот холодный день с женой на руках.

Ян Бэйчэн опустил голову. Петарды издали еще громкими, поэтому он прошептал ей на ухо. Его губы, изначально прохладные от ветра, начали нагреваться после трения с ее ухом.

Тело Линь Чу также нагревалось в тепле его пальто.

Ян Бэйчэн посмотрела на ее тонкое тело, полностью поглощенное его пальто. Ее изысканное лицо было прямо перед его линией зрения, ее ясное лицо под лунным светом холодной зимы.

Его дыхание раздулось на ее ухо, и он видел, как оно вспыхивало и невольно дёргалось, как у кролика. Его теплый взгляд медленно двигался от ее уха к щеке, ее изысканная кожа сильно покраснела.

Когда он приблизился, Линь Чу почувствовал себя застенчивым и зарылся дальше в грудь. "Я могу подумать, что ты здесь только потому, что хочешь, чтобы я согрела твою постель".

"Мм. Я бы хотел, чтобы ты делала это каждый день", - с улыбкой сказал Ян Бэйчэн. Ветер коснулся ее волос, скрывая ее красивые, светлые уши. Его элегантные, стройные кончики пальцев ласкали длинные волосы у Клэри и заправляли их за ухо, раскрывая покрасневшие уши и небольшую часть лица.

Он опустил голову, губы сжались в корень ее уха, и целовал их вверх, пока они не остановились у частично обнаженного лица Клэри. Его губы слегка ласкали ее нежную кожу, освежающий вкус заставлял его еще больше сжимать руки.

"На улице холодно. Давай сначала зайдем, - сказал Линь Чу. Клэри разогрелась после бесконечных легких поцелуев Джейса, и ее кожа головы покалывала. Ее голос дрожал, и он вошел в его уши, обработанные ветром.

Ян Бэйчэн беззвучно хихикала. Линь Чу чувствовал ошпарившую арку его губ, пронзившую ее щеки, и она чувствовала, как воздух выдыхается из его ноздрей.

Ян Бэйчэн освободил ее от его рук. Оставив свои объятия без пальто, чтобы держать ее в тепле, было так холодно, что Линь Чу чуть-чуть чуть оборвал. Было еще холоднее, чем раньше.

Ян Бэйчэн снял пальто и накрыл ее. Видя тонкий светло-голубой свитер, который он носил

внутри, Линь Чу захотел вернуть ему пальто. "Зачем ты снял его для меня? Дом всего в двух шагах".

<http://tl.rulate.ru/book/32211/990384>